

УДК 008**Робинзон Крузо в китайском культурном сознании****Ду Гоин**

Доктор филологических наук, вице-профессор,
Институт иностранных языков,
Харбинский политехнический университет,
150001, Китай, Харбин, Суданская улица, 92;
e-mail: 835413227@ qq.com

Цинь И

Вице-профессор,
Институт иностранных языков,
Харбинский политехнический университет,
150001, Китай, Харбин, Суданская улица, 92;
e-mail: hitqinyi@163.com

Исследование выполнено при поддержке гранта программы реформы послевузовского образования и преподавания ХПУ «Исследование высококачественного развития высшего образования по дисциплинам «иностраных языков» в условиях искусственного интеллекта» (23MS024) и Специальных фондов для создания международной атмосферы в ХПУ.

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс перевода и интерпретации романа английского писателя Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» в Китае. В конце правления династии Цинь Китай переживал период социальных преобразований, сопровождавшихся внутренними и внешними трудностями. Ученые переводили «Робинзона Крузо» с целью просвещения и образования народа, ослабляя или отдаляя религиозные и экономические темы романа и рассматривая Робинзона как героя, наделенного духом приключений. С 1990-х годов в Китае началась волна переводов «Робинзона Крузо», в которых ученые интерпретировали колониалистские и экологические идеи произведения исходя из китайского культурного сознания. Несмотря на то, что произведение было принято широким кругом читателей в современном Китае, оно, похоже, лишено того сильного проблемного осознания и практического значения, которое имело вначале.

Для цитирования в научных исследованиях

Ду Гоин, Цинь И. Робинзон Крузо в китайском культурном сознании // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 4А. С. 338-345.

Ключевые слова

Робинзон Крузо, Китай, перевод, история рецепции, колониализм, экологизм.

Введение

«Робинзон Крузо» – роман Даниэля Дефо, опубликованный в 1719 году и рассказывающий о выживании Робинзона, оказавшегося на необитаемом острове. Роман пользуется большой популярностью во всём мире, а также имеет широкое признание и влияние в Китае.

Роман «Робинзон Крузо» появился в Китае в конце правления династии Цин. Для интеллектуалов того времени эта книга была не просто приключенческой историей или чтением для досуга, но, наряду с «О дивный новый мир» Олдоса Леонард Хаксли и «О Духе законов» Шарль Луи де Монтескьё, она стала представителем «новых голосов из чужих стран» [Ли Яньли, 2013, 183]. Однако историческая подоплека этой книги часто остается неизвестной современным читателям. Изучая принятие и распространение «Робинзона Крузо» в Китае, можно лучше понять взаимосвязь между литературной классикой и контекстом эпохи.

Цель данной статьи – дать представление о распространении «Робинзона Крузо» и других западных классических произведений с аналогичной судьбой в Китае на основе принятой исследовательской парадигмы.

Основная часть

В конце правления династии Цин китайское общество столкнулось с двойным испытанием – внутренними и внешними проблемами, а крах феодального правления потряс его последующую духовную структуру. Все больше и больше интеллектуалов постепенно осознавали, что изучение западной культуры не должно ограничиваться материальными и научными технологиями, а должно охватывать передовые идеи. Чтобы просветить народ, эти провидцы стали пропагандировать передовые западные идеи, а литературные произведения, особенно романы, стали идеальным средством распространения. Лян Цичао в своей книге «О взаимосвязи романов и государственного управления» выдвинул лозунг «революции в мире романов», который повысил статус романов и в то же время послужил толчком для внедрения и перевода романов из других частей света.

Подобная переводческая деятельность – не просто перевод, а процесс культурного обмена и реферирования, в ходе которого западная литература вызывает изменения в китайской литературе и одновременно предоставила китайцам совершенно новый способ мышления и познания. Среди них роман «Робинзон Крузо» оказался в центре внимания переводчиков, которые с сильным чувством социальной ответственности творчески восприняли экзотический образ Робинзона, продвигая литературу как инструмент социальных реформ, чтобы история Робинзона могла быть принята китайцами. И образ Робинзона постепенно проник в китайскую культуру и стал важным символом в сознании китайцев. Он символизировал личную борьбу, дух автономии и стремление к свободе, а также олицетворял перемены и прогресс в китайском обществе.

Переводчики того времени сыграли решающую роль в распространении и восприятии Робинзона, интегрировав его в китайское общество благодаря силе литературных произведений.

Шэнь Цзуфэнь был первым переводчиком в Китае, который перевел «Робинзона Крузо». Он завершил переводческую работу в 1898 году, а в 1902 году книга была напечатана Академией Хуэйлань в городе Ханчжоу и издана шанхайским книжным магазином «Каймин». Шэнь Цзуфэнь решил использовать для перевода классический китайский язык. Он нарушил и скорректировал структурную форму оригинальной книги, удалил и творчески адаптировал

часть содержания, сохранив при этом оригинальный текст, стремясь привести образ Робинзона в большее соответствие с критериями оценки конфуцианской моральной системы, в частности чтобы лучше вдохновить китайскую молодежь. Благодаря такому переосмыслению тем и персонажей Робинзон предстает как героическая фигура, подобная Колумбу [Ли Цзинь, 2009, 509].

На Западе, вероятно, из-за огромного влияния Руссо жизнь на необитаемом острове в романе «Робинзон Крузо» всегда была в центре внимания читателей и исследователей. Различные навыки выживания, продемонстрированные Робинзоном на необитаемом острове, считаются действительно полезными знаниями. Однако Шэнь Цзуфэнь не обращала внимания на эти детали выживания, он удалил многие сцены из жизни на острове, чтобы подчеркнуть тему дрейфа. Поэтому, хотя Руссо и Шэнь Цзуфэнь считали, что произведение «Робинзон Крузо» имеет большую воспитательную ценность, но последний уделял больше внимания воспитательной функции отважного первопроходца Робинзона Крузо на духовном уровне.

В то же время, отказавшись от религиозного повествования и передачи скорби и эмоций Робинзона, Шэнь Цзуфэнь преобразовал персонажей в романе в соответствии с китайскими культурными ценностями. Он переделал Робинзона из «экономического индивидуалиста» и «буржуазного колонизатора» в образ, который фокусируется на почтительности и любви к родственникам, доброжелательности и любви ко всем. С моральной и религиозной точек зрения образ Робинзон более приемлем для китайцев. В частности, в своих отношениях с Пятницей Робинзон воспитывает дикаря Пятницу, используя сочетание цивилизованных и насильственных методов. К таким отношениям между хозяином и слугой китайцы в их колониальном положении были очень чувствительны. Поэтому, кратко описывая жизнь на острове, Шэнь Цзуфэнь вносил некоторые изменения, например, украшал отношения хозяина и слуги между Робинзоном и Пятницей, превращая их в отношения учителя и ученика, взаимно зависящих друг от друга на изолированном острове.

Второй китайский перевод «Робинзона Крузо» был опубликован в «Континентальной газете» в 1902-1903 годах. Переводчик сначала обратился к английскому оригиналу или упрощенной версии перевода, затем повторно переводил классический китайский перевод Шэнь Цзуфэня в просторечной форме. В процессе перевода переводчик не уделял особого внимания литературной ценности оригинала, а существенно переписал его, даже удалил и произвольно изменил содержание оригинала, превратив Робинзона в образ персонажа-зонда для пропаганды ряда доктрин, упомянутых Лян Цичао в книге «Новые люди» [Ли Цзинь, 2009, 507].

Переводчик переписал образ Робинзона. Например, в начале рассказа переводчик добавил концепцию национальных обязательств Робинзона и раскритиковал старую китайскую концепцию «Пока родители живы, не уезжай далеко». Своими устами Робинзон выразил точку зрения, которая соответствовала рассуждениям Лян Цичао об «обязанности служить народу и стране» и отвечала потребностям революционеров в борьбе против моньчжуров. В последующих сюжетах Робинзон изображался как национальный образец, который считал своей миссией спасение страны и был готов пожертвовать собой ради спасения своих соотечественников. Например, когда Робинзон вышел в море заняться бизнесом не исходя из удовлетворения личного стремления к материальному богатству, а из желания и стремления к процветанию страны, полагая, что ведение бизнеса может сделать страну сильной. Когда он стал свидетелем каннибализма варваров, его реакция была вызвана не страхом за сохранность собственной жизни и имущества, а решимостью отомстить за своих соотечественников. Такое переписывание делает образ Робинзона более соответствующим ценностям китайской

культуры, подчеркивая его имидж ответственной национальной модели.

Перевод Линь Шу был одним из самых популярных китайских переводов в начале XX века. Перевод был переиздан в 1906 году и публиковался в Коммерческой прессе до 1933 года.

Линь Шу был первым человеком, назвавшим роман «Робинзона Крузо» «приключенческим» [Линь Шу, 1999, 2]. Он представил «Робинзона Крузо» во имя традиционной китайской мысли «золотой середины», пытаясь порекомендовать этот авантюрный дух китайскому народу. Занимаясь переводческой деятельностью, Линь Шу сознательно связывал свою переводческую карьеру с социальными потребностями, такими как просвещение народа и содействие переменам.

При переводе Линь Шу особенно подчеркивал критические замечания Робинзона в адрес Китая, и даже если он не был полностью согласен с этим, он включил их в перевод. Его цель состоит не только в том, чтобы показать презрение Запада к Китаю, но и в том, чтобы раскритиковать трусость народа и вдохновить людей на упорный труд, подчеркнув кризис национального порабощения и геноцида. В предисловии к переведенной работе Линь Шу особо отметил дух произведения, которому китайцы должны учиться, и напомнил людям о необходимости подражать определенному поведению или быть осторожными с ним.

В то время китайское общество в целом рассматривало Робинзона как героя-авантюриста [Вэй Инчао, 2001, 35], но в переводе Линь Шу прямо раскрыл сущность Робинзона как колонизатора. Он не только осознал, что «Робинзон Крузо» может быть историей, вдохновившей жителей Запада на экспедиции, но и осознал, что китайским гражданам необходимо «строго остерегаться грабежей и кражи» [Линь Шу, 1999, 56]. Такого рода проникновение в суть колониализма, показанное в оригинальной книге, является редким и имеет сходство с современной практикой постколониальной критики посредством деконструкции западных классик.

При переводе Линь Шу трансформировал западную культуру и по-новому интерпретировал значение «золотой середины», утверждая, истинная «золотая середина» заключается в том, чтобы осмеливаться рисковать. Основываясь на четком понимании оригинального произведения, Линь Шу переформулировал образ Робинзона сообразно ценностям «золотой середины», ослабил критику «колониального Робинзона». Линь Шу считал, что, придерживаясь именно «золотой середины обычного человека», Робинзон мог жить один на необитаемом острове и оберегать себя, а он спас дикаря Пятницу просто из терпимости и великодушия «золотой середины святых». Линь Шу объединил эти две концепции в своем переводе, который не только вдохновил читателей того времени на переосмысление китайской мысли о «золотой середине», но и показал красоту интеграции западных религиозных учений, культурной индивидуальности и китайских конфуцианских универсальных ценностей.

Одним словом, эти три перевода различаются добавлениями, удалениями и адаптациями оригинального произведения. Однако, будь то локализация образа Робинзона, удаление оригинального сюжета, уменьшение религиозных аллегорий и колониальной тематики и т.д., цель перевода состоит в том, чтобы творчески воспринять экзотический образ Робинзона и вдохновить Китай на самоутверждение и национальные преобразования. Однако из-за чрезмерного акцента на политической функции зарубежных классик неизбежно возникает тенденция к концептуальной интерпретации литературных произведений, игнорируя тем самым их художественные особенности.

После 1950 года количество переводов «Робинзона Крузо» значительно увеличилось по сравнению с первыми 50 годами XX века. Среди этих переводов к наиболее авторитетным

версиям относятся перевод Сюй Сячуня, опубликованный издательством «Народная литература», перевод Хуан Гаосиня, опубликованный Шанхайским переводческим издательством, перевод Го Цзяньчжуна, опубликованный издательством «Илин» [Чэнь Пинъюань, 2005, 79]. Особенно после 1990-х годов китайские исследования по этому произведению в основном представляют собой переводческие исследования и «теоретическое применение».

Под переводческими исследованиями понимаются научные работы, посвященные переводу и презентации «Робинзона Крузо». Этот способ исследования сосредоточен на точной передаче и интерпретации содержания оригинала, а также на сравнительном анализе различных версий и переводов. Благодаря постоянному переводу и представлению ученые надеются, что больше людей поймут и прочитают это произведение, а также повысят его ценность и значимость. Некоторые ученые также применяют постмодернистские теории, такие как постколониализм и экологизм, к исследованию «Робинзона Крузо». Теория постколониализма сосредотачивается на влиянии европейского колониализма на Африку, Азию и другие регионы, а теория экологизма – на отношениях между человеком и окружающей средой. При помощи этих постмодернистских теорий открылись перед учеными новые перспективы и рамки, которые позволяют им интерпретировать «Робинзона Крузо» более разнообразно. Они провели углубленный анализ и интерпретацию произведения «Робинзон Крузо», исследовали социальные, политические и экологические проблемы в нем и связали его с реалиями современного Китая, придавая произведению более современное значение.

Китайские ученые полагают, что Дефо проявил основные ценности и практики британского колониализма того времени в своем произведении «Робинзон Крузо». Сюжет в произведении тесно связан с британским контролем над колониями, эксплуатацией и трансформацией культуры и религии того времени, отражая колониальные идеологические тенденции и поведение того времени. Это делает «Робинзона Крузо» не только приключенческим рассказом, но и презентацией и критикой колониальной практики того времени. Повествование Дефо неразрывно связано с колониальной практикой Англии того времени. Авантюрный дух Робинзона и его желание разбогатеть соответствовали первоначальному стремлению Британии к колониальной экспансии того времени. Попав во время плавания в шторм и оказавшись на необитаемом острове, он начал заниматься тяжелым трудом, чтобы выжить, что напоминает трудности и усилия первых колонистов в освоении новых земель. На необитаемом острове у Робинзона не было никаких инструментов, но он много работал и тратил много времени на изготовление доски. Он также столкнулся с трудностями при выпечке хлеба, на решение которых потратил полгода, несмотря на отсутствие опыта. Этот упорный труд и дух первопроходца соответствуют образу первых колонистов, которые изо всех сил старались стать первопроходцами и строителями в своих колониях. Робинзону также удалось использовать мушкеты и «Библию», чтобы заставить Пятницу отказаться от своего родного языка и верования и стать его слугой. Это отражает колониальную практику принуждения к изменению культуры и религии коренного населения в то время.

Основываясь на отношениях между человеком и природой, человеком и человеком, китайские исследователи объяснили антропоцентрическую идеологию в своих работах, которая долгое время была связана с отношением к природе, и это отношение косвенно отражается в литературных произведениях, в том числе и в отношении Робинзона к природе.

Целью многочисленных морских приключений Робинзона была попытка покорить природу. Он стремился исследовать неизвестные территории и покорить неизведанные океаны с

помощью морских приключений. Этот авантюрный дух воплощает в себе антропоцентрическую концепцию, согласно которой природа рассматривается как объект человеческой деятельности и человек пытается продемонстрировать свою силу и волю, покоряя природу.

Необитаемый остров сам стал объектом претензий Робинзона. Когда Робинзон впервые попал на необитаемый остров, он был напуган странной, необитаемой средой. Он бегал по острову, чувствуя себя неуверенно. Только когда он нашел безопасное место, достаточное количество пищи и и обрел внутренний покой благодаря труду и молитве, он начал учиться жить с природой. Действия Робинзона: охота на козе, рубка деревьев для изготовления инструментов и строительство забора рядом с его убежищем – это использование методов человеческой цивилизации для завоевания и преобразования необитаемого острова. Отношение Робинзона к необитаемому острову отражает микрокосм отношений между человеческой цивилизацией и природой. Постоянно присваивая природные ресурсы, Робинзон добивался лучших условий для выживания.

В то же время Робинзон был индивидуалистом. Его жизнь на необитаемом острове не только затрагивает отношения между человеком и природой, человеком и человеком, но и раскрывает отношения между человеком и самим собой. В историческом контексте, в котором жил Дефо, пуританское движение было на закате, а капитализм – на подъеме, и люди, испытав просветление двух идеологических движений, стали ценить свою индивидуальность и стремиться к светскому утилитаризму. Однако они не были полностью свободны от религиозных представлений. Хотя Дефо намеренно избегал конфликта между религией и секуляризмом в «Робинзоне Крузо», мы можем увидеть разрыв между ними в религиозной склонности Робинзона к светскому утилитаризму. Робинзон думал о Боге и молился только в уединении. В этой молитве явно не хватает благочестия, а его вера в религию продиктована лишь практической утилитарной перспективой. Постоянные путешествия Робинзона вдали от дома и его стремление завладеть необитаемым островом противоречат пуританскому принципу создания гармоничной семьи и требованию воздерживаться от желаний. Это противоречие существовало еще на заре современности и держит современного человека в постоянном состоянии тревоги в его внутреннем конфликте ценностей.

Поэтому рассмотрение «Робинзона Крузо» с экологической точки зрения – это не только исследование литературного произведения, но и возвращение к заботе об индивидуальной жизни. Такое рассмотрение позволяет нам обратить внимание на внутренние конфликты и дилеммы индивидов в современном обществе, а также на отношения человека с природой и самим собой. Благодаря такому фокусу можно лучше понять и решить экологические и психологические проблемы современного общества.

Заключение

Теперь, когда «Робинзон Крузо» включен в список обязательного чтения для молодежи, он широко используется в образовании и преподавании в начальных и средних школах в качестве учебника для чтения или части факультативного курса, чтобы привить учащимся навыки самостоятельности, стойкости, инновации и умения преодолевать кризисы. Это объективно будет способствовать принятию «Робинзона Крузо» в Китае и, возможно, приведет к новому исследовательскому буму.

Библиография

1. Вэй Инчао. Британская литература о необитаемом острове. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2001.
2. Ли Цзинь. Китайский перевод «Робинзона» в контексте поздней Цин — революционное переписывание версии «Робинзона Крузо» в «Континентальной газете» // Серия исследований по современной китайской литературе. 2009. № 2. С. 503-515.
3. Ли Яньли. Приключенческие романы и мировой порядок в эпоху поздней династии Цин на стыке Востока и Запада // Социальные науки. 2013. № 3. С. 183-192.
4. Линь Шу. Сборник Линь Циньнаня. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 1999.
5. Чэнь Пиньюань. Отправная точка современных китайских романов: исследование романов поздней династии Цин и ранней Китайской республики. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005.
6. Narutyunyan N. Problems of Mediated Translation in Daniel Defoe's Robinson Crusoe // Translation Studies: Theory and Practice. – 2024. – Т. 4. – №. 1. – С. 117-127.
7. Sitzia E. et al. Lost in Intersemiotic Translation? JJ Grandville's Illustration of Robinson Crusoe // Journal for Literary and Intermedial Crossings. – 2020. – Т. 5. – С. c1.
8. Percival T. Lost in Translation? Tracking Robinson Crusoe across the Eighteenth Century.
9. Sitzia E. Lost in Intersemiotic Translation? // Journal for Literary and Intermedial Crossings. – 2020. – Т. 5. – С. c1.
10. Hongisto T., Taivalkoski-Shilov K. Sameness of plot in indirect translation. What events remain in complex translation chains? // Perspectives. – 2023. – Т. 31. – №. 5. – С. 787-802.

Robinson Crusoe in Chinese cultural consciousness

Du Guoying

Doctor of Philology, Vice Professor,
School of the Foreign languages,
Harbin Institute of Technology,
150001, 92 Sudanskaya Street, Harbin, China;
e-mail: 835413227@ qq.com

Qin Yi

Vice Professor,
School of the Foreign languages
of the Harbin Institute of Technology,
150001, 92 Sudanskaya Street, Harbin, China;
e-mail: hitqinyi@163.com

Abstract

This article studies the translation and interpretation process of Robinson Crusoe by British writer Daniel Defoe in China. At the end of the Qing Dynasty and the beginning of the Republic of China, China was in a period of social transformation facing internal and external difficulties. Scholars of the time translated Robinson Crusoe to enlighten and educate the public, so they weakened or alienated the novel's religious and economic themes and treated Robinson as an adventurous hero. Since the 1990s, there has been an upsurge in re-translating Robinson Crusoe in China. Based on Chinese cultural awareness, scholars begin to interpret the colonial and ecological ideas in the work. Although Robinson Crusoe has a wide range of readers in contemporary China, there seems to be a lack of the original strong awareness of issues and practical significance.

For citation

Du Guoying, Qin Yi (2024) Robinzon Kruzo v kitaiskom kul'turnom soznanii [Robinson Crusoe in Chinese cultural consciousness]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (4A), pp. 338-345.

Keywords

Robinson Crusoe, China, translation, acceptance history, colonialism, ecologism.

References

1. Chen Pingyuan (2005) *Otpravnyaya tochka sovremennykh kitaiskikh romanov: issledovanie romanov pozdnei dinastii Tsin i rannei Kitaiskoi respubliki* [The Starting Point of Modern Chinese Novels - Research on Novels in the Late Qing Dynasty and Early Republic of China]. Beijing: Peking University Press.
2. Li Jin (2009) Kitaiskii perevod «Robinzona» v kontekste pozdnei Tsin – revolyutsionnoe perepisyvanie versii «Robinzona Kruzo» v «Kontinental'noi gazete» [The Chinese Translation of “Robinson Crusoe” in the Context of the Late Qing Dynasty — The Revolutionary Rewriting of “Robinson Crusoe” in the "Mainland Daily"]. *Seriya issledovaniï po sovremennoi kitaiskoi literature* [Series of studies on modern Chinese literature], 2, pp. 503-515.
3. Li Yanli (2013) Priklyuchencheskie romany i mirovoi poryadok v epokhu pozdnei dinastii Tsin na styke Vostoka i Zapada [Adventure Novels and World Order in the Late Qing Dynasty]. *Sotsial'nye nauki* [Social Sciences], 3, pp. 183-192.
4. Lin Shu (1999) *Sbornik Lin' Tsin'nanya* [Lin Qinnan's Words]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
5. Wei Yingchao (2001) *Britanskaya literatura o neobitaemom ostrove* [British Island Literature]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
6. Harutyunyan, N. (2024). Problems of Mediated Translation in Daniel Defoe's Robinson Crusoe. *Translation Studies: Theory and Practice*, 4(1), 117-127.
7. Sitzia, E. (2020). Lost in Intersemiotic Translation? JJ Grandville's Illustration of Robinson Crusoe. *Journal for Literary and Intermedial Crossings*, 5, c1.
8. Percival, T. Lost in Translation? Tracking Robinson Crusoe across the Eighteenth Century.
9. Sitzia, E. (2020). Lost in Intersemiotic Translation?. *Journal for Literary and Intermedial Crossings*, 5, c1.
10. Hongisto, T., & Taivalkoski-Shilov, K. (2023). Sameness of plot in indirect translation. What events remain in complex translation chains?. *Perspectives*, 31(5), 787-802.